

Чудо с соседней улицы

Иногда хорошее оборачивается плохим, а плохое – хорошим.

Если бы Инка не разгуливала без шапки в обманчиво тёплые мартовские деньки (это было здорово!), она бы не заболела. Но если бы она не заболела, то не попросила бы маму принести ей из библиотеки «что-то новенькое» и, может быть, никогда не прочитала бы *эти книги*.

Инкин организм обладал замечательным свойством легко переносить высокую температуру. Если она не поднималась выше тридцати восьми, Инка почти не чувствовала себя больной и не теряла ни жизнерадостности, ни аппетита. Поэтому все простуды превращались для неё в маленькие каникулы. Конечно, их существенным недостатком было домашнее заточение, но тут уж ничего не поделаешь. Всё равно Инка считала, что ей с организмом повезло, и проводила «простудные каникулы» за рисованием и чтением.

Книги всегда были важной частью жизни семьи Рудиных. Папа Андрей Михайлович увлёкся чтением в юности, когда получил в наследство дедушкину коллекцию «Военных приключений». Мама Полина Петровна работала в районной библиотеке. Дочери Инне «книжный ген», видимо, передался при рождении – в свои тринадцать лет она предпочитала приключенческие романы многим другим подростковым развлечениям, в том числе компьютеру и смартфону.

Такие родители и такие дети ещё встречаются.

Когда в декабре Инка сидела дома с ангиной, она одолела оба тома «Графа Монте-Кристо». Местами было интересно, местами – скучновато. Поэтому нынче она попросила маму выбрать «что-нибудь с приключениями, но попроще». Мама принесла ей толстую книгу с большой синей птицей на обложке и надписью «Летающие сказки». Сказала:

- По-моему, ты их уже немного переросла, но, может, понравятся.

Ух, какой это был восторг! Ничего она не переросла! Повести оказались действительно «летающими» – звонкие, радостные, наполненные летом, солнцем, ветром и чудесами! Чудеса таились повсюду: в старом доме, который вдруг срывался с места и улетал к морю; в самодельном деревянном кинжале, который протыкал кирпичи как масло; в пыльном чулане, откуда появлялся на свет самый настоящий ковёр-самолёт... А главное – чудеса жили бок о бок с ребятами, обычными школьниками. Такими же, как Инка.

Книгу она прочитала за три дня, после чего спросила маму:

- Есть в вашей библиотеке ещё что-нибудь этого... Крапивина?

Болела Инка до весенних каникул и успела за это время прочитать «Тень каравеллы» и «Бриг “Артемиды”», а потом ещё на каникулах – «Голубятню на жёлтой поляне». Библиотечный запас был исчерпан, почему-то он оказался небогатым.

Сказать о писателе Владиславе Крапивине «этот» Инка уже нипочём бы не смогла. Разве что с большой буквы. Перевернув последнюю страницу «Голубятни...», она поняла, что не успокоится, пока не прочтает все его книги. Или, по крайней мере, большинство. Где бы только их взять? Ну можно, конечно, попросить родителей, чтобы купили, но всё равно это будет не сразу и по одной книжечке. А хочется-то – чтобы не ждать... Может, в школьной библиотеке найдётся хоть парочка?

И тут запел мобильник. Звонил Витёк. Без приветствия и со свойственной ему смесью подросткового сленга и литературной витиеватости выпалил:

- Инка, потрясная новость! Обнаружен практически неистощимый запас Крапивинских книг! Ты прикинь – три здоровых полки!

- Обалдеть! Где?!

- У Сани...

Витёк пришёл в Инкин класс осенью, в начале второй четверти, и они почти сразу подружились. Инка вообще часто дружила с мальчиками: с соседом Вовкой – ещё до школы, с Петей Лисицыным – в первом классе, с Янеком – в летнем лагере... но это особый случай. Теперь вот с Витьком. Глядя на них, одноклассницы хихикали и порой приставали к Инке с глупыми вопросами: «А он тебе нравится? А ты ему?..» Инка знала, что многие девочки из их седьмого «Б» уже гуляют с мальчиками *как с мальчиками* и даже целуются. И сама она – возраст никуда не денешь – иногда думала о разном *таком*. Но только не про Витька! Он был другом, вот и всё. И на Инку смотрел тоже не как *на девочку*. Скорее, как на сестру.

Они подружились из-за книг.

В кабинете английского почему-то убрали одну парту, может быть, унесли чинить – парта давно шаталась. Единственное свободное место осталось рядом с Инкой, её соседка Оля Дорохина в тот день участвовала в каком-то концерте (она училась в музыкальной школе). Новичок огляделся, понял, что выбора нет, и направился к Инкиной парте. Когда он доставал учебник и тетрадь, Инка (случайно!) заметила у него в рюкзаке «Хроники Нарнии».

- Это у тебя какая часть?

- Первая, – охотно отозвался новенький. – Ты читала?

- Я все читала.

- Клёво! А у меня только одна...

- А у меня вообще ни одной! Зато у мамы в библиотеке есть вся серия. Хочешь, после уроков сходим? Ты запишешься.

- Давай!

- Меня Инна зовут.

- А меня – Витя...

Пару дней он звал её Инной, но очень быстро и естественно она сделалась Инкой, а его, вечно лохматого, коренастого и чуточку лопухого, стала называть Витьком.

Оказалось, что они во многом не схожи. Инка считала, что иностранный язык знать необходимо, а Витёк говорил, если не запоминается, так и незачем время тратить. Вот математика – другое дело. Инка математику не любила и отвечала Витьку его же словами – если не понимаешь, зачем упираться? Витёк хладнокровно заявлял, что английский – это просто набор слов, а математика развивает логическое мышление, на него время потратить не жалко. Инка хмыкала и пожимала плечами, справедливо полагая, что с логикой у неё всё «о'кей», и математика здесь совершенно ни при чём.

Кроме того, Витёк предпочитал велосипед, а Инка – ролики, он любил кошек, а она – собак, он смотрел ужастики, а она их терпеть не могла. По каждому несовпадению разгорались жаркие споры, но без злости, с весёлым азартом. Ведь человеку можно простить многое, если в главном ваши вкусы совпадают. Главным были книги, и уж здесь-то у Инки с Витьком царило полное взаимопонимание.

Конечно, она рассказала ему про «Летающие сказки», после чего книгами Крапивина они зачитывались вместе. Иногда в прямом смысле. Сидели у Инки в комнате и – вслух по очереди. Идею такого чтения позаимствовали из повести «Ковёр-самолёт», и она пришлась по душе: можно сразу делиться мыслями и обсуждать самые волнующие моменты.

Теперь был шанс, что такие чтения-обсуждения продолжатся – раз Витёк нашёл у Сани «практически неистощимый запас» ...

Саня, Витькина двоюродная сестра, училась на четвёртом курсе медицинского института. Инка познакомилась с ней зимой. В каком-то розыгрыше (или конкурсе?) Сане достались два

билета на экскурсию в питомник ездовых собак. Она звала туда двоюродного брата, но Витёк сказал, что есть человек, которого собаки интересуют куда больше, чем его. Инка, разумеется, приняла приглашение «со щенячьим восторгом».

Саня была весёлая, добрая и заботливая, Инка думала, что из неё получится хороший доктор. Интерес брата к чтению она всячески одобряла и поддерживала и свою домашнюю библиотеку для него открывала с удовольствием. А теперь вот и для Инки.

«Крапивинские» книги действительно занимали там три длинные полки – хватит надолго!

Инка была счастлива и, «глота» книги одну за другой, даже не сразу заметила, что вместе с неизменной звенящей радостью прочитанные повести оставляют в душе непонятную тревогу. Она тоже звенела, но ещё и царапалась. Будто горсть стеклянных осколков. Их набиралось всё больше и больше, книга – осколок, книга – осколок...

Сначала Инка не обращала внимания. Потом делала вид, что не обращает. Но к концу апреля игнорировать растущее беспокойство не осталось никакой возможности. Инка стояла перед выбором: либо прекратить читать *эти книги*, либо... разобраться, откуда берётся тревога.

Первый вариант был простым, но совершенно невыносимым. Отказаться от всех этих парусов, воздушных змеев и Великих Кристаллов?! Да ни за что!

Значит, второй вариант – понять, что так цепляет и царапает душу.

Инка вздохнула. Легко сказать – «понять», а как? И тут вдруг вспомнилась услышанная однажды фраза о том, что иногда «количество переходит в качество». Получается, если стеклянных осколков станет *очень* много, разгадка их происхождения должна появиться сама собой? Хорошо бы. А для того, чтоб осколков набралось *очень* много, необходимо... продолжать читать!

Всё-таки с логическим мышлением у Инки был полный порядок, несмотря на нелюбовь к математике. Она порадовалась этому выводу и открыла очередную книгу с предвкушением новых приключений и одновременно – с готовностью к новой порции «колющих» ощущений.

Повесть называлась «Тридцать три – нос утри...», она-то и стала последней каплей.

Точнее – последним осколком.

Они оказались не просто стеклянными, а зеркальными. Когда вот этот, недостающий, встал на своё место, их острые края точнёхонько подошли один к другому, сложив большое холодное зеркало, в котором Инка увидела себя. И то, что она увидела, ей не понравилось.

Инка всегда мечтала о Сказке. Хотела, чтобы в её жизни появилось что-то *этакое*... ну как ковёр-самолёт у Олега и Витальки. Или знакомые ведьмы, как в «Тополиной рубашке». Ей потому и книги нравились такие, где чудеса – не от магов и волшебных палочек, а будто с соседней улицы. Вот завернёшь за угол, и там...

За соседними углами ничего сказочного никогда не встречалось. Да и вообще нигде. И теперь Инка понимала, почему.

Она снова раскрыла повесть на тех страницах, где мальчик Винька отправился сражаться с Духом Тьмы, которого выпустил из чёрного резинового мячика.

Предположим, это ерунда, никакие духи в мячиках не живут, но Винька-то *поверил*. И вышел на битву *по-настоящему*. Ночью. На пустырь. Один.

«А ты бы, Инка, так смогла?»

«Нет... Но, может, это потому, что он всё-таки мальчишка?..»

«Да что ты говоришь?! Ладно. А Маша?»

Маша из повести «Лётчик для особых поручений»... Она бы не побежала с Алёшкой, чтобы успеть на пароход, не поехала бы с ним в Ветрогорск. Инка злилась на неё за это, но...

«А ты бы побежала?»

Бывают моменты, когда врать нельзя. «Нет», – мысленно ответила Инка. Нелегко признаваться, но примчись к ней тот же Витёк, готовый схватить за руку и утащить в Сказку, Инка тоже сказала бы что-нибудь вроде «я не могу», «так нельзя», «у меня завтра рисование»...

И воевать с Духом Тьмы она не стала бы.

И в ржавый лес за волшебным ключом, который освободит ведьм, тоже бы не отправилась.

Нет, Инка вовсе не трусиха. Просто она бы *не поверила*. Нашла бы разумные причины, объяснения и отговорки. Не решилась бы сделать для Сказки что-то *настоящее*.

«А ещё жалуешься, что сказки тебя стороной обходят!»

Да уж. Инка вздохнула. Горькая была правда, но... ведь ещё не всё потеряно! Инка ещё не совсем вышла из «сказочного» возраста! И, наверное, даже хорошо, что до сих пор никакие чудеса ей не встречались. Потому что одно дело – понимать про себя неприятные вещи в сослагательном наклонении и совсем другое – осознать, что ты *уже* натворила что-то непоправимое, *уже* предала свою Сказку...

«А ты разве не предала?»

Инка так и застыла, как сидела, с раскрытой книжкой на коленях, и уставилась не мигая вроде бы в противоположную стену, а на самом деле – в пустоту.

«Неправда!.. Ведь это же совсем не то!..»

Но она уже знала: это именно *то*.

Инка училась рисованию в художественной студии Дома детского творчества. В прошлом году, в конце мая там появилось объявление о летнем лагере для всех желающих, и она попросила родителей сходить на собрание – почему-то очень захотелось поехать. Родители на собрание сходили и дочь в лагерь отпустили. Папа сказал: «Руководители внушают доверие».

Руководители (или, по-другому, старшие вожатые, их было двое) действительно оказались хорошими. И вообще Инке в лагере понравилось. Жили они на загородной базе отдыха, каждый день двухнедельной смены был заполнен до отказа всевозможными интересными делами, начиная от «декоративно-прикладного искусства» и заканчивая уроками самообороны (для мальчиков; впрочем, девочек тоже не прогоняли). По вечерам на специально оборудованной площадке жгли костёр, пели песни под гитару и рассказывали страшные истории.

Ребят было немного. Если сравнивать с большими лагерями вроде «Волны», так попросту мало: вся смена – человек сорок, плюс вожатые. Но для того, чтобы не сразу заметить человека – вполне достаточно. Инка и не заметила. Человек был спокойный, скромный, в лидеры не лез, в забияках не числился – словом, никак не привлекал к себе внимание.

Однажды вечером, когда закончились костровые посиделки, и народ потянулся в корпус, Инка чуть отстала от девочек и заметила в стороне от дорожки светлячка. Она никогда прежде их не видела и даже не сразу поняла, что это за искорка в траве. Но, конечно, быстро догадалась. Шагнула ближе и замерла, присев на корточки.

Весь шумный мир с ребячьими голосами, окликами вожатых и хлопающей дверью корпуса будто отодвинулся и остался далеко позади. Инку обступили сумерки, тихие и таинственные, и главной тайной в них была зеленоватая искорка...

- Как упавшая звёздочка, да? – сказал чей-то голос за спиной. Удивительно, но он не нарушил тишины и очарования сумерек.

- Звёзды белые, – отозвалась Инка и тут же вспомнила, что зимой они видятся всякими: и зелёными, и синими, и даже красными.

- Это летом, а зимой бывают всякими, – словно прочитал её мысли мальчишка.

- Ага...

Он осторожно присел рядом.

- Я ещё никогда не видел светлячков.

- И я...

Его звали Янек. Полное имя Ян, но это неудобно, слишком коротко. Инка сразу подтвердила, что Янек – гораздо лучше. И потом они соглашались друг с другом во всём. Не потому, что старались угодить, просто – какие могут быть несогласия, если даже мысли в голову приходят одинаковыми словами?

Янеку в то время уже стукнуло тринадцать. У него были серо-зелёные глаза, смотревшие открыто и приветливо, коротко стриженные русые волосы и слегка вздёрнутый нос. Хотя в подростковом возрасте девочки часто вытягиваются быстрее мальчиков, Янек был чуть выше Инки. Наверное, потому что не сутулился в отличие от многих мальчишек. Спина у него была прямая, как у суворовца на строевой подготовке, и плечи крепкие. Инка решила, что он занимается спортом, но так и не спросила, каким.

Они вообще о многом не спросили друг друга, хотя все оставшиеся восемь дней провели вместе. В свободное время бегали по территории базы, кидаясь сосновыми шишками, или сидели на больших качелях-беседке и разговаривали о книгах (Янек тоже оказался книголюбом) или о загадочной судьбе древнего города Аркаим. Инка про него знала немного, а Янек интересовался всерьёз и рассказывал увлекательно.

Бывало, они разглядывали в увеличительное стекло цветы и травинки. Тогда их головы сдвигались близко-близко, и тонкие хвостики Инкиных косичек щекотали Янеку шею...

«Я ещё никогда не видел светлячков». – «И я...» Сколько раз потом они произнесли это «и я»!

«Знаешь, я в детстве грозы ужасно боялась». – «И я тоже. А сейчас люблю». – «И я...»

«Ты как считаешь, параллельные миры существуют?» – «Уверена, что да!» – «И я уверен!»

Инка не могла бы сказать, как относится к Янеку. Вот про Витьку она точно знает, что он – друг, а Янек... Там, в лагере, Инка совсем об этом не думала. Не получается думать, когда дух захватывает от светлой, ясной радости каждого мгновения! От этой сумасшедшей одинаковости! От понимания с полуслова...

Прощались легко. Янек сказал, что теперь до конца лета его отправят к бабушке в деревню, а осенью они обязательно увидятся в Доме творчества. Инка написала ему свой телефон, Янек посоветовал, что «мобилу» он недавно утопил вместе с сим-картой.

- Катались с родителями на катамаране, забыл телефон выложить, он и – бульк. Новый только осенью, наверное, купят, и «симку» новую... Тогда и позвоню. Если раньше не встретимся.

Они не встретились.

Инка напрасно ждала звонка весь сентябрь. Потом случайно столкнулась в коридоре Дома творчества с Вениамином Олеговичем. В лагере он был одним из старших вожатых, но Янек называл его «тренером». Почему – Инка не знала. Она набралась смелости и поинтересовалась, не помнит ли Вениамин Олегович мальчика Яна из летнего лагеря, и не ходит ли этот мальчик к нему на занятия. Вениамин Олегович ответил, что да, был такой, но ещё до лагеря, и ходил всего два месяца, а осенью пока не появлялся. Инка сказала «спасибо» и... старательно обошла вниманием кольнувшую сердце тревогу.

Грустно, конечно, но тревожиться-то о чём? Скорее всего, Янек уехал. Как уехал когда-то Инкин сосед Вовка, с которым они качались на качелях и играли машинками в песочнице. Как переехали на новую квартиру сами Рудины, после чего закончилась Инкина дружба с Петей Лисицыным, потому что вместе с районом поменялась и школа. Так и теперь... И никак уже Янека не найти. Да и стоит ли искать? Ведь у него Инкин телефон записан, а он не звонит.

Значит... не была их дружба для Янека такой «духозахватывательной», как для Инки? Ну предположим, найдёт она его, и... что?

«А если он не виноват? Вдруг что-то случилось?»

«Ерунда какая! Что может случиться? И всё равно – я о нём ничего не знаю и найти при всём желании не смогу!»

Они обсуждали мифы Древней Греции и полёты в Космос, теорию параллельных пространств и истории знаменитых путешественников, но так и не выяснили, кто в какой школе учится, кто где живёт... Знали только, что оба – из Дома творчества, и были почему-то уверены, что обязательно там встретятся. Глупо, конечно – ученики многочисленных кружков и студий могут вообще друг друга никогда не видеть. Инка, кроме своих ребят из художественной, никого и не знала. А Янек вот, говорят, уже совсем сюда не ходит ... Ну что ж, ничего не поделаешь.

Тем вечером, придя домой, Инка затеяла приборку в ящиках письменного стола, и вместе со старыми черновиками, сломанными ручками и засохшим клеем выбросила в мусорное ведро бумажный кораблик, который в лагере сделал для неё Янек.

...Она вспомнила, как несколько минут стояла столбом посреди кухни, потому что руки сами тянулись достать из ведра смятый кораблик, разглядить, аккуратно положить на прежнее место в ящик стола. И тревога снова толкалась в сердце. Но Инка строго сказала себе: «Глупости! Трясёшься, как дошкольник над фантиком, честное слово!» – и ушла в комнату. Ох, если бы сейчас вернуться в тот день, на кухню!..

Инка заплакала. От жалости к себе и кораблику, от того, что – дура такая! – потеряла свою Сказку, от невозможности ничего исправить.

«Но ведь можно хотя бы попытаться исправить».

«Ка-а-ак?!...»

«Попробовать снова разыскать Янека».

«Где я буду его искать?..»

Но логическое мышление уже запустилось. Где-где? Конечно, в Доме творчества! Инка ещё осенью могла бы сообразить, если бы не повела себя... как Маша. Ведь у всех руководителей кружков, секций и студий есть данные своих воспитанников и их родителей, значит, у Вениамина Олеговича тоже!

Инка вытерла слёзы, оделась и помчалась в Дом творчества, запрещая себе думать о том, что никаких данных могло не сохраниться, раз Янек исчез почти год назад.

В коридоре первого этажа было почти пусто, лишь две мамочки первоклассников или дошколят стояли у окна и увлечённо беседовали о своих чадах. Инка подошла к стенду с расписанием, где перечислены все кружки и их руководители. Конечно же, по фамилиям с инициалами. Она не помнила фамилии Вениамина Олеговича, принялась искать сочетание В.О.

В Доме детского творчества занимались далеко не только творчеством в прямом смысле слова. В прежние времена он именовался, разумеется, Дворцом пионеров, что не накладывает никаких ограничений на сферу интересов. С тех давних пор здесь сохранились шахматный кружок, общество любителей истории и туристический клуб, а веянием суровой современности, видимо, стала секция кулачного боя. Рядом с ней Инка и увидела: «рук. Коротаев В.О.» Тот же Коротаев вместе с каким-то Мазуруком Е.В. руководил туристическим клубом, судя по расписанию, через полчаса у них начиналось собрание. Других В.О. на стенде не было.

Инка поднялась на второй этаж, и осторожно заглянула за приоткрытую дверь с табличкой «Турклуб “Сокол”». Кроме Вениамина Олеговича в комнате была ещё девушка, они изучали расстеленную на столе карту. Оба повернули головы, и Инка обрадованно поняла, что Мазурук Е.В. – не «он», а «она», Евгения Владиславовна, «старшая по девочкам» в летнем лагере.

- Здравствуйте! – сказала Инка.

- А, Инна! – сразу узнала её Евгения Владиславовна, с которой у Инки летом состоялась парочка вполне доверительных бесед. – Здравствуй! Ты к нам?

- Да. То есть нет... Я не в клуб, я... спросить хотела. Вениамина Олеговича...

- Спрашивай, – кивнул он.

- Вениамин Олегович... Летом в лагере был мальчик, Янек... Ян. Он вроде бы занимался у вас. Я как-то спрашивала уже, осенью, вы сказали, что он не появлялся...

- А он и не появился.

- Да, я так и поняла, просто... У вас же, наверное, есть какие-то его данные? Ну там адрес... телефон родителей... Чтобы связаться в случае чего. Есть?

Вениамин Олегович и Евгения Владиславовна переглянулись. Инка чувствовала, что щёки у неё полыхают маковым цветом, но было уже неважно. Лишь бы ответил...

- У меня был телефон его мамы, я даже звонил несколько раз, хотел выяснить, будет Янек ходить на тренировки или нет, но никто не отвечал. Вернее, сообщали, что – «вне зоны». А адреса у меня нет – зачем?

«Точно уехал...»

Инка поняла, что сейчас опять разревется. Она торопливо пробормотала: «Ладно, спасибо, до свидания...» – и хотела выскользнуть за дверь, но Евгения Владиславовна её остановила:

- Инна, подожди. Что случилось?

Инка подняла на неё глаза (уже со слезами) и неожиданно для себя самой спросила:

- Вы читали Крапивина?..

Потом они сидели у маленького столика в тесной каморке, заваленной всяким походным снаряжением, Евгения Владиславовна поила Инку ароматным чаем, а та изливала свои беды.

Евгения Владиславовна всё поняла. И про книги, и про кораблик. И откровенно сказала, что, если бы Инка начала поиски сразу, было бы проще.

- Тогда бы ребят порасспросили, которые в группе с Янеком занимались, вдруг кто-то знал, где живёт, из какой школы. Сейчас-то могут и не вспомнить.

- Янек в вашем клубе был?

- Нет, у Вениамина Олеговича в секции кулачного боя... Ты знаешь, Инна, стоит всё же попробовать! У них в восемь часов начинается тренировка, я поговорю с мальчишками. Оставь мне свой номер, если они чего-нибудь вспомнят, я тебе позвоню.

- Ой! Спасибо! – Инка продиктовала номер, потом помолчала немного и спросила: – Евгения Владиславовна, это, наверное... так, наверное, не бывает? Ну чтобы всего восемь дней с человеком, а как будто всегда...

- Бывает, – улыбнулась Евгения Владиславовна и так посмотрела на Инку, что та поверила сразу. Потом добавила:

- Ты вот много книг Крапивина прочитала, значит, должна была заметить, что главные чудеса там – не перемещения между пространствами и не ковры-самолёты.

- Да, – сказала Инка, которая поняла это лишь сию секунду. – Главное чудо – это дружба.

- Вот...

- Значит, вы думаете, для Янека всё было так же, как для меня?

- Ну... судя по тому, что ты рассказала, и что я сама видела в лагере – очень даже может быть.

- Тогда почему он не позвонил?

- Не знаю, Инна. Может, бумажку с телефоном потерял. Мальчишки иногда жуткие растяпы.

- А если... с ним что-нибудь стряслось? Совсем плохое... – почти шёпотом сказала Инка. Евгения Владиславовна ни утешать, ни уговаривать не стала, ответила спокойно и серьёзно:

- В жизни всякое бывает, Инна. Но надеяться надо всегда на хорошее.

Инка кивнула.

Пора было уходить. Евгения Владиславовна провела её через комнату, где уже началось собрание турклуба (ребята обсуждали планы на майские праздники), на прощание приобняла за плечи и шепнула: «Я позвоню». От этого стало хорошо, и появилась надежда.

Выйдя на улицу, Инка достала мобильник. Надо было позвонить Витьку, с которым договаривались вечером встретиться. Набрать номер она не успела, телефон заиграл.

- Ты куда изволила подеваться? – спросил Витёк. – Мы же к Сане собирались, книги возвращать, забыла? Я тут торчу перед вашей дверью, трезвоню, а ты шарахаешься где-то...

- Ой, Вить, мне очень срочно надо было... по делу. В Дом творчества. Ты езжай к Сане, и я тоже, прямо отсюда. Там и встретимся. Книжки у меня с собой, – Инка в самом деле догадалась их прихватить, несмотря на все страдания.

- Чё, позвонить не могла? – буркнул Витёк вроде бы с обидой, но Инка поняла, что не только. Она ведь всегда предупреждала, если планы менялись, а сегодня – нет. Витёк, наверное, волновался...

- Извини, я думала – успею. И позвонить собиралась вот прямо только что! Но ты первый меня набрал.

- Ладно, давай, двигай к Сане. Я тоже.

- Ага.

Инка убрала телефон в рюкзак и двинула. Двор, где стояла Санина девятиэтажка, находился в нескольких кварталах от Дома творчества.

Когда встретились, Витёк уже не обижался. Он сообщил, что тётя Даша, Санина мама, обещала принести от знакомых какую-то старую энциклопедию, которая очень пригодится для реферата по географии. Его требовалось сдать после майских праздников, и Инка с Витьком уже пару недель обшаривали Интернет и копались в книгах в поисках интересной информации про дождевые леса Амазонии и Антильские острова.

Тёти Даши дома не было. Саня сказала, что она немного задерживается на работе, но скоро придёт.

- А пока – добро пожаловать в библиотеку! – и распахнула дверцы шкафа.

Инка аккуратно поставила на место принесённые книги, и они с Витьком принялись выбирать новые.

Потом все втроём пили чай с яблочным пирогом.

Потом пришла тётя Даша и выгрузила из сумки на стол тяжеленный том, полный энциклопедических сведений. Инка и Витёк поняли, что информацию для реферата надо искать здесь и сейчас, потому что тащить *это* домой ни один не хотел. Ну и засели (предупредив по телефону родителей, что корпят над школьным заданием).

Квартира Витькиных родственников была маленькая, двухкомнатная. Санина комната по совместительству считалась гостиной. Там все и собрались. Ребята листали энциклопедию и фотографировали нужные страницы на телефоны. Саня что-то переписывала в тетрадь из пухлого учебника. Тётя Даша вязала и смотрела «Новости» по телевизору. Попутно шёл разговор о какой-то Галине Артемьевне, к которой Саня ходила «колоть витамины» и у которой с прошлого лета не жизнь, а череда неприятностей.

Слушать о чужих семейных драмах Инка не особенно любила, но уши-то не заткнёшь. Поэтому ей пришлось узнать, что в конце августа умерла престарелая тётушка Галины

Артемьевны, жившая в Москве. Она оставила племяннице и её сыну квартиру, но другие родственники начали оспаривать завещание. Пришлось в сентябре ехать в Москву и решать вопросы на месте, при этом зачем-то потребовалось и присутствие сына, хотя он несовершеннолетний. Галина Артемьевна расстраивалась, что мальчик из-за всех неурядиц пропустит начало учебного года, но оказалось, что эта беда – ещё не беда. Мальчика, там, в Москве, сбила машина, и все вопросы наследства отодвинулись даже не на второй – на десятый план. Начались больницы и операции. Врачи сперва зловеще пророчили полную инвалидность, потом начали осторожно предполагать, что шансы на выздоровление есть. После очередной операции, в конце января, Галине Артемьевне, наконец, пообещали, что ребёнок встанет. В марте мать с сыном вернулись из Москвы домой. Сейчас мальчик ещё в инвалидной коляске, но скоро ему разрешат подняться. Сначала, конечно, с костылями, ну а уж потом... Так что «весь этот ужас постепенно заканчивается».

Стрелки на часах подбирались к восьми. Инка добросовестно пялилась в книгу, но не интересовали её сейчас ни Амазонка, ни Гаити, ни тем более судьба неизвестной Галины Артемьевны. Правда пацана было жалко, а то, что конец у его истории вроде бы хороший, показалось Инке доброй приметой.

- Он мальчишка упорный, – говорила Саня. – Ещё с коляски не встал, а уже жалуется, что *пока ещё* нельзя спортом заниматься, представляешь?

- Надо же! – качала головой тётя Даша. – Каким он спортом занимался?

- Да я не вникала, «мордобоем» каким-то...

Продолжения Инка не услышала, потому что заиграл мобильник. Сердце слегка ёкнуло.

- Алло...

- Здравствуй ещё раз, Инна. Это Евгения Владиславовна. Представь себе, есть новости! Один мальчик в группе знает, из какой Янек школы – из семьдесят пятой. Запомнил, потому что сам учится там же. Правда, больше этот паренёк ничего сказать не может, он девятиклассник, а Янек ведь должен быть... в седьмом? Так что они не пересекаются.

- Да, в седьмом! Это ничего, что не пересекаются – у меня... знакомый есть в этой школе! Спасибо большое, Евгения Владиславовна!

- Пожалуйста, Инна! Вот видишь, иногда всего лишь твёрдо принятое решение уже поворачивает события в твою пользу. И начинаются чудеса!

- Ага...

- Ты знаешь, что? – вдруг с каким-то озорством в голосе сказала Евгения Владиславовна. – Сохрани мой телефон и позвони, когда разыщешь Янека, договорились? Только обязательно!

- Хорошо, я позвоню!.. До свидания...

Инка слегка неточно сказала про знакомого – он уже не учился в семьдесят пятой школе, но ведь ребят оттуда должен помнить! Тем более из своей параллели.

Знакомый сидел напротив и вопросительно смотрел на Инку, он ещё ничего не знал.

- Витёк, слушай! Подробности объясню потом, сейчас просто ответь. Ты ведь раньше в семьдесят пятую школу ходил, так?

- Ну да...

- В твоём классе или в каком-нибудь из параллельных был мальчик по имени Ян?

- Не, в нашем не было. А в других... я не помню...

- Вить, вспомни! Очень важно! Ну редкое же имя, не на каждом шагу встречается. Ян, Янек... Вспомни, а...

Витёк повёл плечами.

- Так бы сразу и сказала, что Янек... Был такой... в «А» классе. Я и не задумывался, что он Ян, все – Янек да Янек...

- Вить, ты знаешь, как его найти? Телефон или адрес? Пожалуйста, мне... правда очень надо! Я тебе всё расскажу, только помоги его найти... Вить, ты чего молчишь?

Только сейчас взволнованная Инка заметила, что Витёк бросает странные взгляды на двоюродную сестрицу, а Саня и тётя Даша прекратили разговор и смотрят так, словно... в общем, *со значением*.

Почему-то стало жутко. Вернее, почти стало, но Саня вдруг улыбнулась и загадочно произнесла:

- Стало быть, «Инка» – это ты...

Инка от неожиданности глупо заморгала, а Витёк, тоже удивившись такому замечанию, подтвердил:

- Она. А что, есть сомнения?

- Да я не о том, – махнула рукой Саня. – Мальчик, о котором говорили, сын Галины Артемьевны... У него в комнате на полке стоит бумажный кораблик, раскрашенный такой, бело-красный, чёрные полосы на трубе. А на борту название – «Инка». А зовут мальчика Янек...

Несчастье его ничуть не изменило. Он остался таким же улыбчивым и жизнерадостным, а серо-зелёные глаза смотрели по-прежнему прямо и открыто. Даже его «суворовская» выправка осталась при нём, заметная и в теперешнем сидячем положении, а руки и плечи стали как будто ещё крепче, чем раньше. Оно и понятно – поворочай-ка этакую бандуру! Инвалидная коляска показалась Инке огромной и тяжёлой, но Янек ловко с ней управлялся.

...На вопрос, где он живёт, Саня ответила, что проще проводить, чем объяснить, и пошла с Инкой. Всё-таки она славная, Витькина двоюродная сестра! Шли недолго, до соседней улицы, но такими запутанными дворами, что одна Инка бы точно заблудилась.

Дверь открыла высокая женщина средних лет:

- Сашенька, это вы! Что-то случилось?

- Нет. Галина Артемьевна, это Инна... – и Саня подтолкнула Инку вперёд.

Галина Артемьевна посветлела лицом, словно что-то поняла (хотя почему «словно» – если у него даже кораблик с именем...) и позвала:

- Янек! К тебе гости!

Как засветился Янек, словами вовсе не передать!..

Они ушли к нему в комнату (вернее, Инка ушла, а Янек уехал). Он показал ей на крутящийся стул возле компьютерного стола и, когда Инка села, подкатился вплотную и повернул её вместе со стулом к себе лицом.

- Инка!.. Как ты меня нашла?

А на полке с книгами действительно стоял бумажный кораблик...

Инка всё ему рассказала. Сбивчиво, перепрыгивая с одного на другое – потом наверняка придётся пересказывать снова. Но это потом, а сейчас она смотрела на его неподвижные ноги, на эту жуткую коляску, и в голове стучало: «Я ничего не знала!.. Ничего не знала!..»

Наверное, эта мысль как-то неправильно отразилась на лице, потому что Янек вдруг сказал прохладным тоном:

- Ну чего ты так смотришь? Жалеешь, да? Незачем. Это не навсегда.

- Конечно, не навсегда! – торопливо согласилась Инка. – И я не жалею... то есть... Янек, с тобой *такое*, а я даже не знала ничего! Я бы к тебе каждый день приходила!

- Инка, ты бы не смогла, – рассудительно возразил Янек. – Я ведь был в Москве.

- Ну да... Но вы же вернулись в марте.

- В марте, – вздохнул Янек. – А я твой телефон потерял. Ещё осенью. Извини меня, ладно? Я бы тебя обязательно разыскал! И без телефона! Но тут... всё это...

- Янек, ты меня тоже извини... За кораблик – я его выбросила. Тоже осенью, когда решила, что больше не встретимся...

- Кораблик? Ну тогда вот, – он дотянулся и снял с полки бело-красный бумажный пароходик. – Держи! – и улыбнулся. Чутьочку застенчиво.

На борту чернела надпись «Инка».

- Не надо, – улыбнулась в ответ Инка. – Ты мне лучше другой сложи, я его тоже... раскрашу.

Домой она ушла в одиннадцатом часу. Янек подробно объяснил, как пройти к автобусной остановке, и даже целую карту нарисовал, чтобы Инка не заплутала в хитрых двориках и переулках. Себе в блокнот он записал её адрес и оба телефона – домашний и мобильный, и даже дни и время занятий художественной студии:

- Чтобы больше никогда не потеряться! Ты тоже всё запиши. И обязательно сообщи, когда доберёшься до дома! Темень на улице, а проводить я тебя пока не могу.

Инка вдруг вспомнила одну фразу из «Лётчика для особых поручений» и сказала совершенно серьёзно:

- Ничего со мной не случится – я сегодня под охраной Сказки.

- Тем не менее... – возразил Янек, но глянул понимающе.

И вот теперь Инка шагала по узкой улочке, подставив лицо тугим потокам ветра. Обычно по вечерам ветер стихает, но сегодня он, видимо, решил сделать исключение. Улочка была полутёмная и безлюдная, но не страшная. Далеко впереди сверкал огоньками и гудел моторами проспект, а здесь мягко светились окна домов, и доносилась откуда-то красивая, абсолютно не современная мелодия.

Дома предполагалась нахлобучка, мама уже звонила и деревянным голосом интересовалась: «Где тебя носит?» – но Инка не боялась. Она всё объяснит, и мама не станет сердиться.

Витьку она тоже всё объяснит – завтра. И он непременно подружится с Янеком! И очередную книгу Крапивина «Семь фунтов брамсельного ветра» они прочитают все вместе, втроём.

А ещё завтра Инка позвонит Евгении Владиславовне и скажет, что она – лучшая в мире вожатая!

Инка улыбнулась. Всё равно в темноте никто не увидит, да и некому видеть – пусто вокруг, а ей сейчас было очень хорошо. Оттого, что в рюкзаке, в книжке, лежит бумажный кораблик, оттого, что есть на свете чудеса, и просто оттого, что гудит в ветвях деревьев ласковый и упругий весенний ветер, который (Инка пока ещё этого не знала) и называется брамсельным...

Сентябрь 2017.

**В рассказе упоминаются названия,
события и персонажи следующих произведений В.П. Крапивина:**

1. «Старый дом» (из сборника «Летающие сказки»)

2. «Дети синего фламинго» (из сборника «Летящие сказки»)
3. «Ковёр-самолёт» (из сборника «Летящие сказки»)
4. «Тень каравеллы»
5. «Бриг "Артемида"»
6. «Голубятня на жёлтой поляне»
7. «Тридцать три – нос утри...»
8. «Тополиная рубашка» (из сборника «Летящие сказки»)
9. «Лётчик для особых поручений» (из сборника «Летящие сказки»)
10. «Семь фунтов брамсельного ветра»